

параллельно начинают употребляться модели с *-никъ* и *-цикъ* (*-чикъ*). Постепенно модель с суффиксом *-никъ* становится непродуктивной, а модель с *-цикъ* начинает охватывать все большее количество имен существительных мужского рода со значением действующего лица: *подкопщикъ*, *обмерщикъ*, *овкорщикъ*, *перекозчикъ* и т.д.

В современном русском языке из 5400 слов, обозначающих действующие лица мужского рода, в *Толковом словаре русского языка* Д. П. Ушакова 15% составляют имена существительные с агентивным суффиксом *-чик* (*-чикъ*)¹.

Факты, подобные выше названным, не единичны в древнерусском языке.

Появление новых слов, расширение или конкретизация семантической сферы существующих слов, а также исчезновение некоторых слов приводят к изменениям в словообразовательной системе языка.

Итак, изменения в словаре обуславливают в известной мере изменения в словообразовательной системе. Однако, взаимодействие словообразовательной системы и словаря не является абсолютным. Первая менее подвижна, нежели вторая. Для древнерусского языка характерны три основных тенденции: 1) тенденция к сохранению непродуктивных словообразовательных моделей; 2) тенденция к расширению сферы функционирования существующих словообразовательных моделей; 3) тенденция к созданию новых моделей.

Определенные модели становятся менее продуктивными или непродуктивными в процессе образования новых слов, принадлежащих новой лексико-семантической группе. Семантика существующей модели больше не отвечает новым потребностям общения (см. примеры, приведенные выше). Однако, в подавляющем большинстве случаев модели не утрачиваются языком. Сохраняясь в других лексических группах, они тем самым становятся лишь относительно непродуктивными и в других исторических условиях развития языка вновь расширяют сферу своего употребления. Так, например, в советский период развития восточнославянских языков появляется значительное количество новых слов. В связи с этим возрастает продуктивность существовавших в древнерусском языке моделей и ставших со временем малопродуктивными². Большую роль в этом процессе играет и фактор взаимовлияния восточнославянских языков³.

По древним моделям образовались окказиональные слова. Ср. у В. В. Маяковского: *многопудье*, *королевка*, *паспортина*, *божище*, *божик*, *дамы*, *войница*, *нэпчик*, *плачик*, *смертишка*, и др.; у других писателей: *шумилы*, *нылы*, *задуха*, *торопня*, *шутилка*, *таскотня*, *нутряк*, *напутье*, *крутина* и т.д.⁴

Аналогичные случаи использования древних словообразовательных моделей встречаются в произведениях украинских писателей XIX века. Например, в пьесах М. Старицкого: *перекрутень*, *приємність*, *непріятність* и др.;

¹ См. А. Г. Лыков, *Некоторые особенности суффикса лица -чик (-чикъ)*, «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

² См. например, Е. И. Сенин, *Из наблюдений над продуктивными типами суффиксальных новообразований советской эпохи*, «Русский язык в школе», 1958, № 5.

³ И. И. Ковалик, *Вчення про словотвір*, Львів, 1958; М. Г. Булахаў, *Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX—XX ст.ст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі*, Мінск, 1958.

⁴ В. Н. Хохлачева, *Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в.*, в сб. *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. V, Москва, 1962.